

так и либерально-демократический период своей «непримиримой» контрреволюции. История ее ближайших лет пойдет либо по пути национал-большевизма, либо по пути монархического реставраторства и... новой революции.

Проблема возвращения*

I

«Вы проповедуете гражданский мир и сотрудничество с советской властью. Отчего же вы сами не возвращаетесь в Москву и не поступаете на советскую службу?»

Как часто приходилось всем «примиренцам» слышать подобные вопросы! Когда мне их задавали в личных беседах, обыкновенно я отделялся шуткой, отвечал собеседнику в тон: — «А вот вы, я вижу, проповедуете борьбу до конца и свержение вооруженной силой. Отчего же вы сами не берете винтовку и не идете свергать?..» Разница между нами заключалась в том, что я понимал абсурдность своего вопроса, в то время как мои вопрошатели отнюдь не сознавали бессмысленности своего.

Когда же доводилось читать такого сорта вопросы в газетах, то письменно отвечать на них казалось излишним: во-первых, сами газеты и авторы, которые печатали такие вещи, заслуживали не столько внимания, сколько сострадания, а во-вторых, представлялось неловким занимать время читателей столь несерьезными мелочами...

Но каково же было мое удивление, когда как раз подобный же вопрос я прочел в статье автора, к коему я питаю самое искреннее уважение. В статье г. Пасманика из «Общего Дела» («Примиренчество проф. Устрялова») имеется следующий абзац:

«Да будет мне позволено прежде всего затронуть очень деликатный личный момент: почему же проф. Устрялов сам не вернется в Москву и не начнет свое сотрудничество с большевиками? В этических положениях личный пример — этический долг. Оставаясь физическим эмигрантом, нельзя духовно слиться с советской Россией»¹.

* Эта статья, ныне совершенно утратившая характер актуальности, в дни ее появления трактовала наиболее «боевую» тогда проблему и повлекла за собой много шума в эмигрантской прессе.

Правда, автор заканчивает этот скользкий абзац стыдливым прибавлением: — «но суть дела не в этом». Однако из песни слова не выкинешь, и остается констатировать, что и в серьезных спорах можно встретить подчас этот сомнительный аргумент, употребленный не с целью «обличить» или «обругать» противника, а с добросовестным намерением выявить несостоятельность оспариваемой позиции. Тут уже не приходится отделяться шутками, а нужно ответить серьезно и по существу, хотя бы с несомненным риском сказать нечто само собою разумеющееся. Впрочем, если освободить эту дискуссию от узко личного момента, она может представить известный объективный интерес.

Не так давно в том же «Общем Деле» довелось мне прочесть тот же аргумент («Почему в Москву не едете?»), только в значительно менее корректной форме — по адресу проф. Ключникова. Очевидно, он и в самом деле кое-кому кажется весьма убедительным — этот бойкий аргументик!

Разберемся сначала в проблеме возвращения эмигрантов вообще, а потом коснемся и вопроса о «примиренцах» в частности.

II

В России совершается сейчас давно предсказанный примиренческий сдвиг от утопии к здравому смыслу. Сдвиг идет по всей линии хозяйственного фронта. Разумеется, он затрудняется массой обстоятельств как экономического, так и политического характера. Страна опустошена, а психология правящей партии слишком прониклась конкретно коммунистическими навыками, чтобы поворот мог сразу овладеть душами партийных низов и мгновенно претвориться в жизнь. Отход совершается постепенно, «на тормозах», с оглядками, с трудностями, в атмосфере народных страданий, недружелюбия к власти, в обстановке полного разрушения национального хозяйства. Лишь мало-помалу создадутся в стране сносные условия существования, когда каждый получит реальную возможность быть полезным родине на своем месте, в меру своих знаний и способностей.

Момент окончательного перелома еще не наступил. Пока раскрепощен обмен², но производство еще не налажено. Намечается разумная программа, но ее нелегко осуществить. Окончательный перелом наступит тогда, когда начнут сказываться реальные результаты нового курса советской власти. Позволительно рассчитывать, что это произойдет сравнительно скоро, хотя приходится помнить, что

достижение благоприятных результатов обусловлено целым рядом разнообразных обстоятельств, из коих на первом месте стоит вопрос об отношении России к внешнему миру.

Сейчас массовое возвращение эмиграции на родину едва ли еще могло бы принести ощутительные благотворные плоды. Пожалуй, оно не пошло бы впрок ни эмиграции, ни России. Момент еще не настал, надо подождать, как это ни печально. Мы знаем, что в самой советской России оставшаяся интеллигенция (небольшевистская) далеко не использована сполна. Такова объективная обстановка, и ее нельзя изменить мгновенно. Интеллигенты нередко предпочитают простые физические работы (шитье сапог, надзор за огородами) занятиям по специальности, ибо последние не дают возможности существовать, а иногда вдобавок представляются и заведомо бесплодными в силу многообразных стеснений, их связывающих. Условия интеллигентного труда в России за эти четыре года рисуются достаточно безотрадными. Профессора, юристы, учителя, даже врачи, — все люди интеллигентных профессий зачастую принуждаются рубить дрова на своих «делянках», чистить мостовые, грузить казенные грузы. Теперь, правда, эти нелепости «коммунистического» быта, игнорирующего элементарнейший принцип разделения труда, начинают понемногу уходить в прошлое. Но куда процесс «перерождения системы» не определится в своих неизбежных следствиях, — говорить о долге эмиграции возвращения на родину не приходится. Да помимо всего, оно просто неосуществимо еще физически: мы знаем, сколько разнообразнейших рогаток нужно в наши дни преодолеть, чтобы попасть эмигранту в родные места. Конечно, тут мыслимы отдельные исключения, даже довольно многочисленные, — но не о них речь.

В настоящее время следует поставить вопрос лишь о подготовке к предстоящему общему возвращению, дабы как только явится возможность возвратиться с пользой, удалось бы сделать это организованно, без промедлений, словопрений и сутолоки. Равным образом должны быть приняты меры к разумному определению самого момента и условий целесообразного возвращения. Для этого необходимо установить контакт с московской властью.

III

Служить России можно, к счастью, не только на ее территории, но и вне ее. Специфическая особенность данного момента (едва ли особенно продолжительного) состоит в том, что русская интелли-

гентская эмиграция могла бы ныне за границей принести не меньше пользы родине, чем дома. Она должна помочь иностранцам понять и осмыслить русскую революцию. **Она должна примирить «цивилизованный мир» с новой Россией.** — Вот пока наиболее общая и в то же время конкретная формула доступного для эмиграции «примирения» и «сотрудничества» с Москвой — сотрудничества добровольного и независимого.

Нужно всеми силами содействовать процессу перерождения большевизма и духовно-материального оздоровления страны, который совершается «там, внутри». Нужно, чтобы большевикам удалось перевести страну на «новые хозяйственные рельсы». Как никогда, Россия нуждается теперь в помощи иностранцев. И во имя родины обязаны русские люди, рассеянные по пространству всего мира, добиваться этой помощи, прилагая к тому все усилия, воздействуя на иностранное общественное мнение и, сколько возможно, на правительства.

Не изрыгать хулы обязаны мы на нашу больную родину и на ее нынешнюю, пусть несовершенную власть, а понять болезнь, как великий кризис к небывалому здоровью. Нужно постичь, **полюбить** Россию и такую, как она есть. Полюбить не на словах, не в эстетическом любовании только, а на деле. Нужно научиться о многом забыть и многое простить. Вот что значит «духовно возвратиться на родину». Не о военных походах должны мы теперь здесь мечтать, не о восстаниях и заговорах, а о признании всем миром наличной России, страдающей, но неизменно великой.

И эмиграция наша в этом отношении могла бы многое сделать. Пусть она только смирится и забудет греховно-горделивую мысль свою, что подлинная Россия — только в ней. Нет, Россия все там же, где была — в той же Москве, в том же Петербурге и тех же безмерных пространствах, которые в рабском виде, удрученный ношей крестной, исходил, благословляя, Христос...³ В нас же она постольку, поскольку мы — в ней.

Доселе эмиграция наша в массе лишь старалась оттолкнуть мир от лика нынешней России. Великий вред приносила она этим родной стране, затягивая, осложняя болезнь. Все темное, все дурное в революции (немало его в ней!) немедленно подхватывали, препарировали для микроскопа, злорадно выносили на всенародные очи; и за деревьями не хотели видеть леса. А между тем такие цельные явления, как революция, трудно оценивать по клеточкам, взятым от них для микроскопического исследования.

«Русской интеллигенции — точно медведь на ухо наступил: мелкие страхи, мелкие словечки... Вы мало любили, а с вас много спрашива-

ется, больше, чем с кого-нибудь... Те из нас, кто уцелеет, кого не изменит с налету вихорь шумный, окажутся властителями неисчислимых духовных сокровищ... Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию!..» Так убеждал нашу интеллигенцию Блок⁴, которого теперь посмертно тщатся перетянуть к себе авторы всех этих «мелких страхов» и «мелких словечек». Обычная история!

Не вы ль его так долго гнали —
Его волшебный, чудный дар?..⁵

Да, пора, пора обратиться лицом к наличной России. Не натравливать на нее Европу, а знакомить Европу с нею, — по старому завету Герцена⁶. Тем более, что сама Европа жаждет этого знакомства, этого общения. Старая Европа тоскует по блоковским «скифам»⁷, по новой крови, по новому духу, — о, разве случайны все эти книги Шпенглеров!..⁸

Единым фронтом, единым разумом, единой волей внедрять в сознание мира факт преображающейся России. Осмыслить, оправдать грозу и бурю, в которых дано это преображение. Вот наша почетная, великая, безмерно трудная и ответственная, но благодарная задача. Нужно пользоваться оставшимся сроком нашей вынужденной жизни за границей, чтобы запечатлеть в мире Россию — и вместе с тем чтобы облегчить родной стране переход к желанному здоровью, к «новой жизни» тем путем, который она сама выбрала. В нашей власти, быть может, и ускорить срок нашего физического возвращения.

Но понимает ли это эмиграция?

IV

За последнее время начинают проявляться в ней некие проблески понимания — это неоспоримо. Но все же преобладающие настроения ее, поскольку они выражаются старыми властителями ее дум, далеки от ориентации на наличную Россию, органически и преемственно превращающуюся в «Россию будущую». Напротив, во всех столицах мира все еще звучит разноголосая и нестройная русская речь, полная слепой, близорукой ненависти к революции и к одержимой ею «красной» стране. По-прежнему «мелкие страхи, мелкие словечки»...

Поэтому сейчас приходится, к сожалению, говорить не столько о приобщении эмигрантов к потоку перерождающейся революции, сколько о нейтрализации вреда, который они своею тактикой

бессознательно приносят России. Нужно изнутри ликвидировать дурную воинственность известной части русских изгнанников. Нужно парализовать соответствующие влияния их на внешний мир. Такова очередная, насущная задача. Это и делают сейчас, стремятся делать «национал-большевики», реально осуществляя свою идею тактического примирения и «сотрудничества». Если внутри страны эта идея может выражаться в прямой работе (посильной) с советским правительством, или, по крайней мере, в отказе от активной борьбы с ним, — то за границей она должна воплощаться в противодействии всем авантюрам, замышляющим против нынешней России, и в содействии всем шагам к сближению с ней. В этом отношении примиренческое движение уже сделало кое-что: недаром с ним так считаются эмигранты-алармисты, не отрицающие уже его успехов в эмигрантском лагере. На быстрых и сравнительно безболезненных крушениях белых авантюр 20 и 21 годов, на известном повороте мирового общественного мнения в сфере русского вопроса, несомненно, сказался и кризис сознания русской эмиграции, безнадежно утратившей свой единый алармистский⁹ облик. Нужно углублять и расширять этот кризис.

Вот почему позволительно утверждать, что сторонники национал-большевизма сугубо полезны для русского дела за границей. Если бы их здесь не было, их нужно было бы выписать. Дома, в качестве технических спецов, они в данный момент не могли бы исполнить и доли той работы на пользу родине, которую они призваны провести за границей в качестве общественных деятелей, разлагающих «эмигрантщину» и воспитывающих в интеллигенции новое патриотическое сознание. Повторяю, такова специфическая и несколько парадоксальная особенность данного момента.

Естественно, что наше преждевременное «возвращение» — в прямых интересах наших политических противников: мы ведем с ними борьбу за духовное перерождение эмиграции, и видим в этом наш непререкаемый «этический долг». Мы с ними по разному воспринимаем пути возрождения родины, хотя одинаково жаждем этого возвращения. Отсюда, в пылу борьбы, — и дешевые личные нападки, к которым мы так привыкли, отсюда и бесконечные вопросы, «полные яда», которые нам столь часто приходится выслушивать от ортодоксов непримиримости: «когда же в Москву — примиряться?...»

На это мы вправе ответить в тон:

— А вот подождите, доконаем вас, обезвредим вконец, исполним наш патриотический долг здесь — тогда можно будет и домой, с Богом!..